

Другой отрицательный фактор, оказавшийся связанным с народным искусством,— его коммерциализация. Всеобщий интерес, проявляемый ныне к народному искусству, дал возможность эксплуатировать его, превратить в один из источников прибылей. В настоящее время на рынок выбрасывается огромное количество всевозможных поделок, имеющих своим прототипом образы традиционного народного искусства. Эти поделки весьма охотно покупаются, особенно туристами, желающими привезти из путешествия сувенир, который бы стал памятным символом их пребывания в далекой экзотической стране. Выше уже говорилось об этнознаковой функции произведений народного искусства, поэтому образец последнего становится особенно желательным в качестве подобного сувенира. Это обстоятельство и вызвало поток ремесленных изделий, заполняющих ныне сувенирные киоски, магазины и лавки в оживленных туристических центрах многих стран мира. Не безукоризненна в этом смысле и наша сувенирная промышленность.

В то же время выдаваемые за подлинные образцы народного искусства, эти изделия таковыми являются далеко не всегда. Поставленные на поток, лишённые индивидуального мастерства, они снижают уровень подлинного народного искусства, профанируют его. В результате потребитель получает неверное, искажённое представление об этой стороне культурного наследия народа, и лишь знание или же внутреннее эстетическое чувство позволит ему отбросить мишуру «аэропортного искусства», как порой называют продукцию подобного рода, и выделить ту высоту, с которой начинается живая традиция народного творчества.

Итак, мы попытались показать, что народное искусство играет весьма значительную роль в современном мире. Собственно говоря, в этом сейчас уже никто не сомневается, и данное утверждение давно стало аксиомой, породившей немало соответствующих декларативных заявлений. Между тем декларации не снимают необходимости конкретного изучения тех функций, которые присущи народному искусству сегодня. Настоящей статьёй эта тема далеко не исчерпана. Несомненно, зачатую функцию народного искусства выходят далеко за привычные рамки, в которых обычно видели пределы его социального бытия. Поэтому нужны дальнейшие наблюдения и исследования, которые позволят лучше представить роль народного искусства в нашем динамичном, вечно меняющемся мире.

М. А. Агларов

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ
МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР
В ДАГЕСТАНЕ (до XX в.) ***

Этнолингвистическая пестрота (своеобразный культурный плюрализм) является самой яркой чертой Кавказа, особенно Дагестана, и в то же время его «вековой загадкой». Своеобразна и общественно-политическая структура Дагестана. Здесь каждая община (*джамаат*), если она не была связана политически с несколькими (до 10 и более) другими джамаатами, являлась в своем роде «микросообществом». Такая община была в полном смысле слова самодовлеющей и представляла по-своему закрытую систему, где отношения с окружающим миром

* Основные тезисы этой работы были изложены в докладе «О путях формирования этнических общностей в Аварии», прочитанном на сессии Института этнографии АН СССР по итогам полевых работ в 1967 г.//АИЭ. Оп. 10. Д. 772; О сессии см. Сов. этнография. 1968. № 6. С. 140.

строились на «внешнем праве». В Нагорном Дагестане такой тип представлен крупными общинами (Кубачи, Ботлих, Арчиб, Тинди и др.; одновременно они известны как «одноаульные пародности»). Второй тип: несколько джамаатов такого же масштаба связаны между собой единым кодексом, территорией и политическим самоуправлением (известные *вольные общества* или *республики*, как их называли в дореволюционной литературе). Здесь отдельная община не представляет собой самостоятельной единицы, так как система замыкается (в политическом, правовом и территориально-административном отношениях) на уровне вольного общества. Третий тип: вольные общества образовывали союз, представлявший собой *федерацию*. И наконец, все три типа политических образований, вступив между собой в определенные, хотя и ограниченные правовые (иногда легкорасторжимые) отношения, в свою очередь слагались в *единую* метаполитическую систему, охватывающую весь регион. В ее структуру входили все звенья (вольные общества и отдельные общины) как составные части целого. Наличие этих звеньев создавало картину чрезмерной раздробленности. Между тем они составляли части общей полиструктурной системы и соответствовали территориальному делению целого. Такая система предполагала постоянную тенденцию к партикулярности частей, составлявших политические образования, поскольку эти общины были суверенными обладателями территорий. Состояние политической консолидации достигалось скорее не через преодоление особенного, а через его посредство, так как упомянутые части были выражением (формой выражения) глубокого единства не только политической, но хозяйственно-бытовой, социально-экономической и культурной жизни. Таким же предстает и этнолингвистический мир в Дагестане, отличающийся одновременно глубоким внутренним единством и пестротой. Существует ли взаимосвязь между полиструктурной, федеральной, политической системой такого рода и этнолингвистическим состоянием общества?

Разумеется, этнолингвистическая ситуация в Дагестане, отличающаяся исключительной, даже на Кавказе, пестротой¹, интересовала множество исследователей. Этнолингвистический феномен Дагестана еще в XIX в. объясняли самоочевидным и неоспоримым на первый взгляд доводом, согласно которому *ландшафтная пересеченность* местности с самого начала привела к физической изоляции одних племен от других. А. Берже писал, что народ раздроблен на «бесчисленные мелкие племена, которые... никогда не могли слиться в одно целое по физическим причинам свойственным дикой и неприступной природе Дагестана... оно (раздробление.— М. А.) имело последствием еще то, что язык лезгинский раздробился на множество наречий...»². А. В. Комаров отделил даже определенную закономерность: «Почти в каждой котловине,— писал он,— в каждом отдельном ущелье, огражденных высокими скалистыми хребтами и выходящих к быстрой и глубокой реке, живет особое племя, часто не имеющее ни малейшего сходства или родства с соседними племенами. Там же, где горы становятся доступнее, разнообразие племен уменьшается, зато увеличивается численность каждого племени и пространство, на котором оно живет»³. М. М. Ковалевский дал четкую формулировку предполагаемой «зависимости»: «В самом Нагорном Дагестане большая или меньшая пестрота этнографического состава каждой отдельной местности обуславливалась большей или меньшей тесниной долины»⁴. Ту же точку зрения о зависимости этнолингвистической пестроты от горного ландшафта (возможно, еще и благодаря авторитету М. М. Ковалевского) поддерживали в своих трудах историки, этнографы и лингвисты, как дореволюционные, так и со-

¹ 22 коренных языка, свыше 70 учтенных диалектов и сотни (!) далеко не учтенных говоров.

² Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858. С. 305.

³ Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // Зап. Кавказского отдела РГО. Тифлис, 1873. Кн. VIII. С. 2.

⁴ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. II. С. 139.

временные⁵. Любопытно, что Н. Я. Марра не убедили утверждения об определяющей роли географического фактора. Он писал: «...эти многочисленные языки — не порождение условий кавказской жизни..., а вклад постепенного оттеснения ветвями на Кавказ народов древнейшего культурного мира на юге...»⁶. Миграционная теория происхождения языков на Кавказе Н. Я. Марра не была принята; в литературе по-прежнему указывают на определяющую роль ландшафта в изоляции языков⁷. И в самом деле, многоплеменной состав Дагестана отмечается с античного времени⁸. Автор XII в. ал-Гарнати Андалуси, чьи сведения считаются весьма надежными, насчитывает в Дагестане 70 народностей⁹. Изначальная изоляция, а затем и консервация многочисленных племен, обитавших в Дагестане, казалась удовлетворительным объяснением существовавшей здесь этнической пестроты¹⁰. Роль географической среды как главной причины, которая наряду с натуральным хозяйством и отсталыми общественными отношениями привела к распаду праязыка и последующему многоязычию, постулируется Е. А. Бокаревым. Он указывает, что распад праязыка (стало быть, формирование языков и народностей) произошел в Дагестане в эпоху средней бронзы (время определено в соответствии с глоттохронологическим методом М. Сводеша). Е. А. Бокарев не разделяет мнение об «изначальной многоязычии» с его последующим «инертным» сохранением. Он выдвинул теорию праязыка в Дагестане, согласно которой многоязычие является следствием распада более интегрированного праязыка. Эта теория признается многими учеными и в настоящее время толкуется следующим образом: развивается языковой процесс, этапы которого характеризуются тем, что лингвистическая и, следовательно, этническая карта древности отличалась от современной большим единством. Вместе с тем нужно указать, что попытка Е. А. Бокарева объяснить причины сложения современной этнолингвистической ситуации условиями пересеченного ландшафта, натуральным хозяйством и отсталостью общественных отношений вступает в непримиримое логическое противоречие с его теорией. Ведь указанные три фактора должны были бы действовать и в глубокой древности, т. е. в эпоху бронзы, когда, как предполагается, господствовала более интегрированная языковая и этническая среда (праязык). Более того, такие факторы, как натуральное хозяйство и отсталые общественные отношения, должны были логически проявляться в древности еще сильнее, а это значит, что в Дагестане едва ли мог существовать праязык. В таком свете представление об «изначальной консервации» древнейших племен выглядит хотя и метафизично, но более убедительно.

Отвлечемся, однако, от противоречий в логике предполагаемого развития этнического процесса и обратимся к некоторым фактам, не укладывающимся в схему и являющимся, на мой взгляд, самым серьезным препятствием для признания определяющей роли физико-географической изоляции в этнической дифференциации дагестанского общества. Сплошь и рядом в Центральном Дагестане, т. е. в его наиболее густонаселенной части, мы сталкиваемся с такой ситуацией, когда два населенных пункта, порой стоящие в нескольких километрах друг от друга,

⁵ Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. С. 17—18; Климов Г. А. Кавказские языки. М., 1965. С. 18.

⁶ Марр Н. Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север и на Кавказ//Известия АН. Пг., 1916. № 15. С. 1379—1408.

⁷ Климов Г. А. Указ. раб. С. 8.

⁸ Страбон. X, 5.1; Плутарх. Помпей XXXV. Плиний Старший//Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890. Т. I; 1904—1906. Т. II.

⁹ Le Tuhfat al-Albab de Abu Hamid al Andalusi al Garnati adite d'après les MSS. 2167, 2168, 2117 de la Bibliothèque nationale et la ms. d'Alger par G. Ferrand//Journal Asiatique. 1925. T. CCVIII. P. 83.

¹⁰ Магомедов Р. М. История Дагестана. М., 1961. С. 17—18. Дальнейшее развитие этого взгляда (как своеобразной инерции языков и диалектов) см. Магомедов Р. М., Дзагурова В. П. Народы Советского Дагестана. Махачкала, 1967. С. 18.

совершенно не изолированные местностью и использующие все виды взаимных контактов и информации, имеют различия в говоре или даже в языке. Эти селения, как правило, являются этнографическими единицами или даже одноаульными народностями (например, ботлихцы и годоберинцы). Так, соседние Анчих и Арчо, между которыми нет никаких «физических» препятствий, жители которых свободно посещают друг друга по каждому случаю (рождение, свадьба, торговля и т. д.) и принадлежат к одной каратинской народности, вместе с тем имеют речевые и культурно-бытовые особенности, отличающие их друг от друга. Близко (в 4 км) на одном и том же склоне горы стоят крупные селения Дагестана Анди и Гигатль (по 1000 и более домов в каждом) и маленькое (около 50 домов) селение Гунха, расположенное на дороге между ними. Жители всех трех селений принадлежат к андийской народности, но различаются между собой в такой степени, что можно узнать по речевым особенностям и деталям женской одежды, из какого аула происходит человек. Сказанное относится и к остальным селам Андии. Вместе с тем они стоят так близко друг от друга, что в старину глашатаи из селения в селение могли в безветренную погоду прокричать срочные сообщения. Столь же свободным было и общение между ними. Например, на дороге между андийскими селениями Ашали и Риквани (2 км длиной) в старину ежегодно устраивали призовые конные скачки. Между тем у каждого из этих аулов свой говор, как и у всех остальных андийских сел. Еще ближе друг к другу расположены села вольных обществ Гидатля, Ахваха, Богулала и т. д.

Но именно здесь в этих густонаселенных районах с крупными, мы это подчеркиваем, близко расположенными аулами фиксируется самый высокий коэффициент этнической дробности. Каждый аул здесь, как нам кажется, можно отнести к этническим единицам первого (начального) или второго уровня, т. е. он обладает непременно своим говором (прежде всего) и некоторыми особенностями материальной и духовной культуры.

Сельские общества Нагорного Дагестана (этого наиболее густо населенного и мозаичного в этническом отношении региона), располагаясь в различных природно-географических зонах, были специализированы одни по садоводству, другие по земледелию и скотоводству, третьи выделялись как ремесленные центры. Такая дифференциация предполагала интенсивный обмен и развитие торговли между обществами. Еженедельные базары проходили в разные дни в разных населенных пунктах и своей сетью охватывали целиком Нагорный Дагестан. Торговцы, путешествуя, за неделю могли побывать минимум на пяти базарах. В этих условиях развивалось двуязычие, а в некоторых обществах и трехязычие (арчинцы)¹¹. Коммуникации (впрочем, дороги между всеми аулами были верховыми и функционировали круглый год), полная «взаимопроницаемость» и контакты между обществами этой части Дагестана не остались заслоненными впечатлениями о «неприступности» края у многих наблюдателей XIX в., открывавших для себя и для читателя Нагорный Дагестан. Н. Воронов о внутригорной части Дагестана писал, что «нужно видеть преграды, положенные здесь природой для разобщения людей,— и однако, люди общаются не в пример легче, чем, например, живущие в наших равнинах или степных деревнях... Вести, новости разносятся в горах с изумительной скоростью и приказания начальства, власти исполняются здесь так же быстро, как бы страна перекрещивается телеграфными проволоками. На завтра нужно собрать джаамат из всех ближних обществ — и джаамат непременно соберется; кто пеший, кто конный — явятся все по призыву... этот факт, в котором я убедился множеством примеров»¹². «Естественные преграды для раз-

¹¹ Дирр А. М. Арчинский язык//Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 39. С. 1; Сергеева Г. А. Арчинцы. М., 1967. С. 182.

¹² Воронов Н. Из путешествия по Дагестану//Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. Отд. III. 3. С. 19—20.

общения людей», по Н. Воронову, скорее дань историографической и литературной традиции, а рассказ о том, что, несмотря на это, люди не были разобщены — точная этнографическая зарисовка. О лингвистическом «информационном» голоде, породившем ситуацию полиэтничности, и тем более о сохранении такой ситуации в результате изрезанности ландшафта говорить не приходится.

Л. И. Лавров в статье «О причинах многоязычия в Дагестане» обратил внимание на эндогамные формы браков, господствующие в Дагестане (в отличие от других народов Северного Кавказа), как на причину сохранения многоязычия¹³. Это в корне отличная от предшествующих концепция сохранения многоязычия важна уже тем, что проблема переносится из области явно неудовлетворительного «географического детерминизма» в сферу социальных отношений. Эндогамия, безусловно, один из важных факторов, способствовавших замкнутости обществ, что в свою очередь сохраняло многоязычие. Ю. В. Бромлей при разработке теории этноса вообще указывал на эндогамность как неотъемлемое его свойство¹⁴. Эндогамия, согласно теории, является одним из признаков этноса, но ничто не указывает на то, что эндогамия может быть причиной его формирования. Этнос, согласно Ю. В. Бромлею, эндогамен¹⁵, но не каждый эндогамный коллектив является «этническим». Например, в районах распространения северного диалекта, у гумбетовцев, салатавцев, аварцев Левашинского плато, исторически входивших в Аварское ханство, несмотря на эндогамность их селений, нет этнического и лингвистического многообразия, как это наблюдается в Центральном и Западном Дагестане. То же относится к другим народам Восточного Кавказа, а также Передней Азии, где отсутствие экзогамии не повлияло сколько-нибудь решительно на этническую ситуацию. Поэтому, вероятно, Л. И. Лавров пишет об эндогамии лишь как о факторе сохранения, а не как собственно первопричине многоязычия¹⁶, с чем нельзя не согласиться, имея в виду, что эндогамия безусловно усугубляет замкнутость, особенно популяционную.

Историю вопроса о раздроблении народов Дагестана можно заключить тем, что его изучение свелось к своего рода гносеологической ловушке, исходящей еще от А. Берже. Видимость аксиомы, не требующей доказательства («горная изоляция»), удовлетворяла интерес к теме и не позволяла решить вытекающую из этой «аксиомы» проблему: каков механизм воздействия «горной изоляции» на культуру, язык, вкусы, самосознание и т. д., что тут следствие «горной изоляции», что исходит действительно от горной и хозяйственно-бытовой адаптации? И каким образом сказался на этнической атрибуции горных «изолятов» информационный голод — ведь «горная изоляция» имеет в виду только физическое разобщение, т. е. отсутствие информации друг о друге, — что, скажем, мешало этнической интеграции? На эти вопросы указанная концепция не позволяет ответить, так как причины этнической дифференциации дагестанского общества, по нашему мнению, лежат не в так называемой «географической изоляции», а в сфере исторически сложившихся форм общественно-политического строя и отношений народов Дагестана. Этническая ситуация в Дагестане явилась порождением уникальной даже в условиях Кавказа полиструктурной политической системы и соответствует ей целиком, вплоть до таких малых единиц, как вольные общества или даже отдельные общины. Попытаемся обосновать эту точку зрения.

Дагестан, особенно его нагорная часть, наиболее густонаселенная, как говорилось, отличался не только этнолингвистическим многообразием, но и исключительной политической раздробленностью. В Нагорном Дагестане помимо известных крупных политических объединений

¹³ Лавров Л. И. О причинах многоязычия в Дагестане // Сов. этнография. 1952. № 2. С. 203.

¹⁴ Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Сов. этнография. 1969. № 6, С. 84—91.

¹⁵ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 114—123.

¹⁶ Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. М., 1978. С. 30.

сложилась целая ассоциация микрополитических образований с их союзами — вольными обществами, каждое из которых имело собственную территорию с всеобъемлющими правами обладания и распоряжения, т. е. территориальной и политической суверенностью. В «Истории Дагестана» относительно XVIII в. говорится, что «Дагестан по-прежнему был раздроблен на мелкие и мельчайшие политические единицы: Эндреевское, Аксаевское и Костиковское владения, Тарковское шамхальство, Кайтагское уцмийство, Табасаранское майсумство, владения кадия Табасарана, Мехтулинское, Аварское, Казикумухское ханства и более 60 мелких объединений, союзов сельских обществ, известных под названием аварских, даргинских и лезгинских „вольных” обществ»¹⁷. Политическая раздробленность оказалась самым устойчивым видом политической организации Дагестана. Вольные общества, которых историки Дагестана насчитывают более 60, в полной мере соответствуют этническим образованиям разных иерархических степеней. Такая мозаика общественно-политически самостоятельных единиц — вольных обществ, включая и политические образования феодального типа, стабильно существовавших на указанной территории в течение минимум последних полутора-двух тысячелетий, оказалась достаточным условием для сложения в пределах этих формирований этнических общностей или этнических единиц с различными уровнями межэтнической дифференциации. Длительное состояние политической раздробленности, где каждая из политических единиц обладала стабильными границами и суверенностью, как правило, приводит к развитию культуры соответственно каждого из этих образований. Мы легко могли бы показать на множестве примеров из истории, что именно длительная политическая раздробленность приводит к этническому многообразию, но ограничимся несколькими, на наш взгляд, наиболее выразительными. В германистике фундаментальным считается положение, согласно которому немецкие диалекты — следствие длительного состояния политической раздробленности¹⁸. Короткий период политической раздробленности переживала и Россия (до возвышения Московского государства); именно в этот период «наметились» русские говоры: «характер языковых процессов на территориях отдельных княжеств приобретает, таким образом, свою специфику: образуются так называемые языки княжеств»¹⁹. Если мы обратимся к кочевому миру с его четкой родоплеменной структурой, то увидим, как, по образному выражению Л. П. Лашука, «в горниле улусной системы происходила своеобразная этническая переплавка»²⁰ (т. е. в «горниле» административного деления тюркского мира эпохи феодализма). Или пример из древности: каждый город, каждая маленькая провинция классической Греции V в. до н. э. составляли документы на своем местном диалекте. «В этом отношении гордые собственные достоинство имели и маленькие города-государства. Лишь намного позже политическое развитие ограничило господство диалекта в общественной жизни»²¹. Как пишет Р. Шмидт, к пестрой окраске греческой диалектной карты «привела политическая партикулярность» (*Staatlich-politisches «Particularismus»*) греческих городов периода «темных веков», сохранявшаяся и в классический период²². Впрочем, о политической партикулярности как факторе изоляции и разобщения греко-римских городов выпукло и убедительно писал еще Фюстель де Куланж. Он говорил: «Самой выдающейся чертой истории Греции и Италии до рим-

¹⁷ История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 320.

¹⁸ В. М. Жирмунский пишет, что широкие народные массы Германии говорят на диалектах, сохраняющих территориальную раздробленность эпохи феодализма (*Жирмунский В. М. История немецкого языка*. М., 1948. С. 70).

¹⁹ Строгонова Т. Ю. История говоров русского языка и их современное состояние // *Булатова Л. П., Строгонова Т. Ю. О русских народных говорах*. М., 1975. С. 33.

²⁰ Лашук Л. П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов // *Сов. этнография*. 1968. № 1. С. 95—106.

²¹ Андреев Ю. В. Греция в архаический период и создание классического полиса // *История Древнего мира*. М., 1983. С. 74.

²² *Schmitt Rüdiger. Einführung die griechischen Dialekte*. Darmstadt, 1977. S. 127.

ского завоевания является раздробление, доводимое до крайних пределов, и дух обособленности каждой общины... Между двумя соседними общинами было нечто более непроходимое, чем горы: священные границы... каждая гражданская община имела кругом своей земли межу, указывающую ее священную границу»²³. Итак, не гора, а граница разобщала древние города.

Очень ясно роль политического фактора в «этногенезе» видел еще Дени Дидро, который писал: «Скажите, что законы, нравы и правительства являются главными причинами различий представленных народами и что если этого общественного воспитания недостаточно для уравнивания отдельных индивидуумов, то оно уравнивает между собой большие массы людей»²⁴. «Уравнение между собой масс людей» и одновременно сохранение различий между народами на языке современной этнографии — не что иное как две стороны двуединого процесса — этнической интеграции и дифференциации, сопровождающего всю известную историю человечества. Роль политического фактора в этническом размежевании и этнической интеграции постоянно подчеркивается в трудах по теории этноса²⁵. Разумеется, дело далеко не в одних аналогиях, и мы далеки от мысли сводить все формы этнических процессов лишь к потатарным или политическим явлениям. Видимо, сами этнические процессы далеко не однозначны и возникают вследствие целого ряда причин, таких, как подлинная изоляция (информативная), природно-географическая и хозяйственная адаптация, особо мощные факторы аккультурации и т. д. Было бы ошибкой искать состояние политической консолидации для таких метаэтнических общностей, как целые регионы, объединяемые семьей языков, или известные в советской этнографии как историко-этнографические области. Эти уровни находятся вне пределов политических состояний и predetermined общими путями расо-этногенеза. Но когда мы переходим к более подробной этнической карте, значение факторов, о которых здесь идет речь, возрастает, а в отдельных случаях они приобретают полный приоритет. Ведущая роль политического начала в процессе этнокультурного размежевания или интеграции не универсальна, и способность политической организации общества к созданию самостоятельных этнокультурных единиц (к «этнографическому эффекту») реализуется не всегда, а только в заданных исторических условиях, в определенной системе общественных отношений и на определенных уровнях. Этническая мозаика Дагестана, особенно его горной части, вызвана его политическим состоянием. В данном конкретном случае одноаульные говоры и характерная одежда, по которой можно узнавать людей (и узнавали представителей мельчайших обществ), — наиболее удивительная черта этнолингвистической карты Дагестана — находит свое объяснение, как уже говорилось, в полиструктурной политической системе, мельчайшие «клетки» которой представлены самодовлеющими (независимыми) обществами — джамаатами, обладающими территорией и суверенными правами политического и соответственно внутриобщинного управления. Когда населенный пункт не имел статуса джамаата и тем более вольного общества, то такая община, как бы она ни была изолирована и далеко от других населенных пунктов расположена, лишалась всякой этнолингвистической атрибуции. В качестве примера можно указать на каждое из отдельных сел высокогорной части Дагестана, в частности на села современных Тляратинского и Цунтинского районов. Группа сел Тляратинского района: Камелух (68 домов), Гени-коло (45 домов), Герель (26 домов), Бег-лельда (39 домов), Горгиль-нуб (16 домов), Ульгеб (13 домов), Салта

²³ Куланж Фюстель де. Древняя гражданская община. Исследование о культе, праве, учреждениях древней Греции и Рима. М., 1895. С. 188—189.

²⁴ Дидро Д. Опровержение книги Гельвеция «Человек» // Собр. соч. М.-Л., 1935. Т. II. С. 166; Ф. Энгельс отмечал «высокие образцы диалектики», свойственные суждениям Дени Дидро. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 20.

²⁵ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. С. 32.

(26 домов), Чорода (15 домов)²⁶ — занимает отдельную, но обширную территорию. Это наиболее труднодоступная и редконаселенная часть Дагестана; здесь села сильно отдалены друг от друга, зимой дороги закрываются. Каждое из указанных отдельно взятых селений не обладает сколько-нибудь существенными этническими и лингвистическими особенностями. Такие села, например, как Герель или Бетлельда, не имели статуса джамаата (или, как это поняла еще русская администрация XIX в., не представляли *сельского общества*). Но все восемь деревень вместе составляли джамаат, или сельское общество, управляемое правителями от каждой из них, общим советом старейшин, сельским судом и местными адатами. Все восемь селений соответственно имеют этнические особенности и обладают ярко выраженным говором²⁷. Упомянутая группа сел также имела свое отдельное наименование: Тум, или Джумрутское общество²⁸. В свою очередь из семи таких джамаатов, или ракъ (что значит «земля»): Анцрос, Унхлада, Богьнода, Льебел, Кьанал, Тюмур (каждый из названных джамаатов включал от 5 до 10 сел) — было образовано вольное общество Анкьракъ (букв.— «Семиземелье»). В этническом отношении оно больше отличалось от соседей, чем составляющие его джамааты между собой, а в языковом отношении представляло диалектную единицу аварского языка, получившую название анцухского диалекта²⁹. Как пишет Ш. И. Микаилов: «Все семь групп обладают диалектом, весьма резко отличающимся от других аварских диалектов»³⁰. На этом уровне посредством ежегодных регулярных собраний представителей джамаатов, входивших в «ракъ», реализуется в полной мере политическая суверенность всего общества Анкьракъ. Анкьракъ — одновременно и большая область Южной Аварии. Этническая общность на этом уровне проявляется исключительно четко, обладает сильно выраженным диалектом.

Во внутригорном Дагестане структура модели остается прежней, только начальная ее часть сокращена: здесь отсутствуют первичные поселения без статуса джамаата в результате их повсеместного слияния, своего рода синойкизма, имевшего место почти повсеместно в Дагестане. Очевидно, первоначальные поселения в политическом отношении были объединены до их, так сказать, «физического» объединения в крупные аулы. Объединение мелких поселений в одно происходило, видимо, вследствие их прежней политической, а иногда и хозяйственной связи. Характер использования последней показывает история Бежты. Согласно преданию, на месте, где сейчас расположен аул, был загон для скота. На это место съехались жители одноязычных окрестных сел Охочи, Синальа, Кито, Хиявукъа, расположенных высоко в горах. Первоначально объединение было временным — только на летний период, на время сельскохозяйственных работ. Летом люди жили в основном селении — Бежта, а в остальное время года — в старых селениях. Впоследствии Бежта стало постоянным местом жительства всего объединения³¹. В 80-х годах XIX в. с. Бежта состояло из 301 дома. Совместно с небольшими отселками Хашар-Хутар и Тлядал Бежта образует бежтинскую народность с самостоятельным языком и чертами материальной и духовной культуры.

Процессы, подобные указанным выше, отмечены повсеместно в Дагестане, особенно во внутригорной и предгорной его частях, и, судя по всему, были не однократными, а «пульсирующими»: крупные аулы распадались на мелкие (тип Куядинского общества) и заново собирались

²⁶ Данные о селах взяты из сборника: Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890. С. 148.

²⁷ Микаилов Ш. И. Очерки аварской диалектологии. М.; Л., 1959. С. 50.

²⁸ Эти названия большей частью нейтральны, т. е. не являются названием какого-либо одного аула, входящего в джамаат.

²⁹ Микаилов Ш. И. Указ. раб. С. 50.

³⁰ Там же. С. 51.

³¹ Исламгагомедов А. И. Поселения аварцев // Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 121.

в единые; стабильными оставались формы политической организации — тип джамаата (первичное политическое объединение); федеративное (неформальное, механическое) объединение таких джамаатов *бо* или вольное общество. На этом втором уровне политическая организация самодовлеющая и принимает законченную форму, т. е. обладает единой территорией, которая делится на составные части — территории каждого джамаата. Вольное общество располагает своими органами управления и своим кодексом. На этом уровне в Дагестане коэффициент этнической дифференциации высок — в языке на уровне диалекта или же самостоятельного языка. Имеется и третий уровень политической формы — союз вольных обществ. Это не механический союз, а федерация, централизованное объединение с органами самоуправления для всей федерации. Однако такая федерация не полностью ассимилирует первые две формы. Когда вольное общество входит в подобный суперсоюз³², оно теряет свои самодовлеющие черты, занимает промежуточное положение между первичными джамаатом и высшей формой объединения. Право здесь построено по той же трехчастной схеме. Таким был даргинский союз вольных обществ Акуша-Дарго. И замечательно то, что все эти три ступени различаются этнически и диалектологически. Формальное выражение такой политической системы — ее этническая окрашенность. Вольные общества или федерации вольных обществ вступают между собой в те или иные отношения на договорных началах, иногда вырабатывают совместные адаты или берут на себя иные взаимные обязательства и т. д. Дагестан в целом, включая его основные народности, был связан политическими взаимоотношениями последнего типа. Некоторые договоры становились постоянными адатными установлениями. Приведем одно из многих, своего рода «международных» адатных постановлений: «Если между жителями Хунзаха (аварцы.— А. М.) и жителем Цудахара (даргинцы.— А. М.) произойдет ссора по воровству, то для оправдания вора цудахарца должны присягнуть 12 человек, если он украл коня, кобылицу или другое животное — шесть человек. Место присяги — Карадахский мост. Если житель Хунзаха украдет, присягает один человек. То же самое, если спор будет между жителями Хунзаха и Андалала»³³. Подобные совместные адаты Хунзахское общество (хунз — жители всех сел Хунзахского плато) выработало в отношении Цудахарского вольного общества, Андалальского вольного общества, Голотлинского джамаата, Батлухского вольного общества, Ахвахского вольного общества, Каратинского вольного общества, Койсубулинского вольного общества, с рядом своих податных сел (в этом случае адаты не паритетны), с областью Юрт и т. д.³⁴. Практически все политические образования Горного Дагестана имели подобные же совместные постоянные договоры³⁵. На этом уровне отношения между политическими образованиями Дагестана основывались уже «на внешнем праве», как называет Гегель правовые отношения между самостоятельными политическими образованиями, находящимися скорее в естественных отношениях друг к другу, чем в правовых³⁶.

В данной статье в общих чертах обрисована политическая система, которую мы называем *полиструктурной* с различной иерархией взаимосвязей. Каждое звено этой системы является частью целого, и наименьшие ее звенья предстают как джамааты. Полиструктурная система была целиком открыта для культурного взаимодействия. В каждом ее звене создаются не различные, а *различимые* типы культуры.

³² Османов М.-З. называет такую федерацию «суперсоюзом». См. Османов М.-З. Численность и расселение даргинцев в XVIII—XIX вв.//Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974. № 1. С. 166.

³³ Постановления, общие для всего Дагестана//Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968. С. 47.

³⁴ Там же.

³⁵ См., например: Адаты, существующие между жителями Кази-Кумухского округа и соседними с ними жителями даргинского общества и общества Андалал Гунибского округов//Из истории права народов Дагестана. С. 55—56.

³⁶ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. М., 1971. Т. 2. С. 54.

В полиструктурной политической системе этнокультурные процессы протекали, если так можно сказать, в «расчлененном» виде — одновременно как двуединный процесс интеграции и дивергенции. Интеграция охватывала всю систему; дифференцирующаяся часть раскладывалась по каждому из звеньев общеполитической системы. В жилище интегрирован общий тип: закрытый и открытый одно- двухэтажный, с плоской крышей, ориентированный на юг, с помещением типа лоджий. Его разновидности обусловлены зоной³⁷ или историческим периодом (например, влиянием среднесвековой замковидной архитектуры)³⁸. Однако по всему Дагестану в каркасной части жилище едино. Вместе с тем определенные особенности планировки, общий облик, архитектурные детали, декор, т. е. все, что создает некую индивидуальность жилища, как на это обратил внимание Г. Я. Мовчан, связано с этнической традицией³⁹. Одежда имеет особенно много вариантов, а женская одежда буквально следует за языком, являясь атрибуцией не только известных народностей Дагестана, но и мельчайших этнических групп⁴⁰, вплоть до каждого общества-джамаата. Можно с уверенностью сказать, что любое общество, имеющее свой говор и тем более диалект или язык, также отличается по женской одежде, если не в элементах, то хотя бы в манере ношения. Различия, но уже по крупным регионам (в масштабе Дагестана, разумеется) выразились в исключительной интегрированности материальной культуры и хозяйства⁴¹. Усовершенствование пахотного орудия (в частности, его съемного лемеха, как лопатообразного, так и клинообразного, применяемого для легких или каменистых почв; увеличение угла захвата с целью достичь оптимальной глубины вспашки и устойчивости плуга) становилось даже достоянием всей метаэтнополитической общности — Горного Дагестана в целом. Такие основополагающие черты интегрированы, тогда как конфигурация (способ) установки к стойке держака имел особенности, принятые только на первом уровне — в джамаате. Часть культуры, вернее, даже ее основа (главные формы земледелия и скотоводства и их системы; принципы планировки жилища, общий покрой одежды, адатно-правовые нормы) интегрирована и даже стандартизована. Мы условно назвали эту часть «функционально существенной»⁴². К ней можно отнести и языковой строй. Меняющуюся (дифференцирующуюся) часть культуры, приведшую к этнической атрибуции многочисленных мелких и крупных групп, в противовес ее интегрированной части можно было бы назвать «функционально несущественной» или «функционально менее существенной», так как она не несет жизненно важных (хотя и это понятие относительно) функций. Перемены в этой области не нарушают структуру «функционально существенной» части культуры, а может быть, даже утверждают и усиливают ее.

Решающую роль в этническом размежевании безусловно играет (сыграло) самосознание, хотя и оно — явление вторичное и производное; осознание своей принадлежности к тому или иному звену (или всем звеньям поэтапно) политической системы, а не только к первичному кругу производственных и социальных связей является высшей формой

³⁷ Османов М.-З. Указ. раб. С. 125.

³⁸ Мовчан Г. Я. Из архитектурного наследия аварского народа//Сов. этнография. 1947. № 4; Исламгагомедов А. И. Указ. раб. С. 152—155.

³⁹ Мовчан Г. Я. Предварительные заметки о типологии жилища народов Нагорного Дагестана//Краткие сообщения Ин-та этнографии (далее КСИЭ). 1948. Т. IV. С. 43.

⁴⁰ Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Женская народная одежда аварцев//КСИЭ. 1953. Вып. XVIII. С. 24; Сергеева Г. А. Женские украшения народов аварской группы Дагестана второй половины XIX — начала XX в.//Кавказский этнографический сборник. М., 1980. VII; Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана XIX — начала XX в. М., 1981.

⁴¹ Агларов М. А. Очерки этнографии земледелия Южного Дагестана//Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974. Т. I. С. 221.

⁴² Агларов М. А. О путях формирования этнических общностей в Аварии. 1968//Рукоп. фонд Ин-та истории, языка и лит-ры. Даг. филиала АН СССР. Ф. 4. Д. 68.

проявления противопоставления понятий «мы» и «они»⁴³. Не самосознание общинно-производственного быта (хотя это и фундаментальная основа размежевания), а самосознание, опосредованное через политическую организацию⁴⁴, непосредственно породило этническую атрибуцию каждой из ячеек полиструктурной политической системы. Посредством самосознания и противопоставления политическая форма воздействует на создание этнической атрибуции общества. При этом следует учитывать опосредованность самой политической организации условиями материального производства: «...из определенной формы материального производства вытекает, во-первых,— писал К. Маркс,— определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяется как тем, так и другим»⁴⁵. Сказанное о роли полиструктурной политической системы, повлиявшей на общее направление этнических процессов в Дагестане за последнее полтора тысячелетия, ни в коей степени не зачеркивает и древнюю исходную «этническую матрицу». Спонтанные явления типа этнической атрибуции мелких обществ по принципу их формального положения в общеполитической системе могли иметь место на позднем этапе в достаточной степени развитого, классового общества. Предложенная концепция не отрицает, но, напротив, предполагает и все остальные формы этнических процессов типа ассимиляции, инфильтрации и т. п.

Глубина этнической дифференциации соответствует степени автономности или позиции каждого из звеньев обрисованной выше политической системы — вступает в силу некий принцип коррекции; в данной статье мы ограничились его констатацией.

Нами рассматривался лишь один из аспектов этнического процесса, который исторически сложился в Нагорном Дагестане как культурная реакция на формы существующего у народов этого региона общественно-политического строя. Эта реакция проявилась как высоко интегрированное состояние основных черт культуры при одновременной четко выраженной дивергенции других черт, в результате чего создавалась существующая этнолингвистическая ситуация. Часто цитируемое А. Чикобава высказывание П. Услара, что «кавказские языки при изумительном разнообразии обнаруживают глубоко родственные черты»⁴⁶, касается не одного лингвистического, а этнокультурного состояния в целом, которое является внешним отражением общественно-политической системы региона.

⁴³ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 24.

⁴⁴ Куббель Л. Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества//Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 136.

⁴⁵ Маркс К. Теории о производительном и непроизводительном труде//Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 279.

⁴⁶ Чикобава А. Узловые вопросы исторической фонетики иберийско-кавказских языков//Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси. 1974. № 1. С. 75.

Г. С. Киселев

**О РОЛИ ВЛАСТИ В ГЕНЕЗИСЕ
КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА
[на материале доколониальных обществ
Тропической Африки]**

Проблемы, связанные со спецификой образования и характера докапиталистического классового общества вне Европы, вызывают неослабевающий интерес отечественных историков. Надо сказать, что само существование такой специфики в целом уже не является ныне дискус-